

АВГУСТ

1

ВТОРНИК

1939 год

№ 42 (821)

Цена 30 коп.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Выходит под редакцией В. Вишневского, А. Кулагина, В. Лебедева-Кумача, М. Лифшица, Е. Петрова, Н. Погодина, А. Фадеева.

ОРГАН
ПРАВЛЕНИЯ
СОЮЗА
СОВЕТСКИХ
ПИСАТЕЛЕЙ
СССР

Смотр побед социализма в деревне

Сегодня в Москве глава советского правительства товарищ Молотов откроет Всеобщую сельскохозяйственную выставку.

На территории Пушкинского будет представлена в миниатюре наша страна, ее люди, творцы социалистических урожаев, и плоды их трудов, наши красочные наивы, наши тучные хлеба, хлопок, лен, сеноко, — все, чем богата советская земля.

Есть что-то символическое в том факте, что выставка расположена на территории, названной именем величайшего поэта русского народа. Сто двадцать лет тому назад, в 1819 году, Александр Сергеевич Пушкин написал свои знаменитые вдохновенные слова, направленные прямо в сердце народа. Пушкин спрашивал тогда, увидит ли он народ неугнетенный,

И наше отечество свободы

просвещенной?

Взойдет ли, наконец, прекрасная заря? Стихотворение называлось «Деревня» и было направлено против барства, против рабства, против эксплуататоров, присваивающих «и труд, и собственность, и время землевладельца». Паризм ответил поэту на эти стихи жесточайшими репрессиями, но стихи его нельзя было ни заточить, ни склонить, ни уничтожить.

Мы вспоминаем пушкинскую «Деревню» сейчас, когда над одной шестой частью земного шара взошла прекрасная зора коммунизма, когда свободный крестьянин, вместе с рабочим, вместе с поэтом, строит свое счастье, когда он создал новый общественный строй — социализм, о котором в пушкинские времена можно было только мечтать, как о чем-то далеком и утопическом.

Прошло много времени, прежде чем народу, руководимому партией большевиков, удалось приступить к строительству нового, спирального строя на земле. Приложено было много сил и энергии для того, чтобы снести прочь с пути тех, кто мешал партии доводить до сознания масс истинные цели и методы борьбы партии за счастье всего человечества. В одной из ранних своих работ панасищетырехлетний Ленин писал: «В ответ на обвинение в итогировании массы крестьянства, социал-демократы с полным правом могут привести слова Карла Маркса:

«Борька сорвала с цветов украсившие их воображаемые цветы не для того, чтобы человекоместе продолжало нести эти оковы в их форме, лишенной всякой фантазии и всякой радости, а для того, чтобы онобросило цепи и прогнало руку за живым цветком».

Русские социал-демократы срывали с нашей деревни украшавшие ее воображаемые цветы, воюют против идеализаций и фантазий... не для того, чтобы масса крестьянства оставалась в положении теперешнего угнетения, вымирания и порабощения, а для того, чтобы пролетариат понял, каковы те цели, которые сковывают nowsлью труда, понял, как куются эти цепи, и сумел покинуть против них, чтобы сбросить их и протянуть руку за настоящим цветком».

Много было врагов на трущем и сложном пути народу к социализму. Презренные предатели, троцкистско-бухаринские и прочие фашистские мерзавцы, прилагали все свои силы для того, чтобы снова наложить на наши руки оковы, снова бросить в рабство к помещику и капиталисту наших рабочих, наших колхозников. Но члены «сбросивший цепи и потянувшийся за живым цветком», никогда не ласт свои руки на новых оковах. Советский народ расправился с врагами и еще более быстрыми шагами пошел вперед. И этот великолепный, триумфальный путь деревни к социализму продемонстрирует Всеобщую сельскохозяйственную выставку.

Шестьдесят лет тому назад Страна советов, только начавшая восстанавливать свое хозяйство, разрушенное за долгие годы империалистической и гражданская войн, открывала свою первую сельскохозяйственную выставку. За два года до этого Владимира Ильин Ленин мечтал: «Если бы мы могли дать завтра 100 тысяч первоклассных тракторов, слабить их бензином, снабжать их машинистами (вы прекрасно знаете, что пока это — фантазия), то среди крестьянства сказал бы: «Я за коммунизм» (т. е. за коммунизм). Но для того, чтобы это сделать, надо сначала побеждать международную буржуазию, надо заставить ее дать нам эти тракторы, или же надо поднять нашу производительность настолько, чтобы мы сами могли их добыть».

Сельскохозяйственная выставка 1923 г. прошла под знаком этой мечты о том времени, когда мужик пересел с лошади на трактор, когда мы будем там сильны, что

Сегодняшний день Советского Союза

С подъемом и воодушевлением встречаетесь наш народ открытие Всеобщей сельскохозяйственной выставки. Она наглядно показывает миллионы людей, могущих биение пульса всего народного хозяйства нашей страны. Обильные площи сельского хозяйства, продукции промышленности, достижения в различных областях культурного строительства, производства искусства — все это ярко отражает на выставке сегодняшний день Советского Союза, его уверенное движение

шагом по пути к коммунизму. Любой

Народный артист СССР
Л. М. ЛЕОНIDOV

экспонат здесь — новое свидетельство того, как быстро множатся ряды советской интеллигенции, какого высокого уровня культуры труда достигли рабочие и крестьяне страны социализма.

Замечательным дополнением выставки,

этого полноценного праздника,

явится смотр искусств народов всех

советских республик, искусства, рожденного

счастливыми людьми, вдохновляющего на

новые победы труда и украшающего нашу радостную жизнь.

Народный артист СССР
Л. М. ЛЕОНIDOV

Сегодня открывается Всеобщая сельскохозяйственная выставка. На снимке: главный вход на выставку.

ТО, ДЛЯ ЧЕГО ПОТРЕБОВАЛИСЬ БЫ СТОЛЕТИЯ...

Академик Н. В. ЦИЦИН

Директор Всеобщей сельскохозяйственной выставки

Крестьянин до революции работал в условиях XVIII века, всецело зависел от стихийных кашгаров природы, от своей истицкой земли, разодранной на мелкие куски. Теперь он быстро вооружается тракторами, комбайнами, широко пользуется удобрением, на него работают 26 агрономических институтов. Человек, не имеющий никакого представления о науке, наглядно убеждается в ее силе, в мощности человеческой мысли.

Если бы жизнь Алексея Максимовича Горького, писавшего эти строки еще в апреле 1932 года, не была оборвана врагами народа и он, дожив до наших дней, стал нашим желанным гостем сегодня, 1 августа, он, наверное, добавил бы многое к своей характеристику нового человека деревни. За десять лет, отделяющих нас от года великого переворота, от организации первых машинно-тракторных станций, крестьянин не только убедился в силе большевистской мысли, в силе науки, но и сам этого силой овладел.

Сколько столетий потребовалось бы для совершения такого чуда, уже не скажем царизму и помещикам-крепостникам, а всяческим защитникам «постепенного» развития, предельщикам, сторонникам «самотека», «равновесия», «устойчивости мелкого крестьянского хозяйства»!

Открывающаяся сегодня Всеобщая сельскохозяйственная выставка воплощает в себе также ту культурную революцию, которая произошла в деревне за эти десять лет. На выставке нет колхоза, который, сообщая о своих производственных успехах и добиваясь права стать участником выставки, одновременно не указывает на культурный рост колхозников. Цифрами, говорящими о размере урожая, неизменно сопутствует цифра колхозников, получивших или получающих среднее образование, цифра выписываемых в колхозе газет. Пройдет еще одна-две пятилетки, и мы можем быть в этом уверенны — на очередную сельскохозяйственную выставку колхозная интеллигенция попадет не только лучших передовиков полей, ферм и лабораторий, но и отличников местных колхозных вузов, многочисленных колхозников-писателей и художников, многочисленных учеников, вышедших из колхозных рядов, живущих в колхозе и помогающих колхозу в его повседневной работе.

Один такой колхозный ученик уже представлен и на нашей выставке. Это — Терентий Малычев, член артели «Заветы Ленина». Шадринского района, Челябинской области. Этот колхозный ученик руководит большой лабораторией с теплицами, ведет широкое сортоиспытание зерновых, размножает элиту лучших сортов, сам занимается глубокой селекционной работой.

Достижения, которых сегодня на весь мир повествует Всеобщая сельскохозяйственная выставка, базируются, как правило, на применении культурных, социалистических методов. На основе стахановского движения в деревне, как и в городе, исчезает противоположность между умственным и физическим трудом. Разве

Скульптура «Чапаев» на башне павильона «Поволжье». Работа скульптора Баландина. Фото иллюстрационно-издательского бюро ВСХВ.

Комбайнеры Оськины достигли своих рекордов в Чкаловском крае, ефремовцы — на Алтае. Культура социалистического труда проникает повсюду. Борьба за стахановские урожаи распространяется ширью и глубью. Решения XVIII съезда ВКП(б) о дальнейшем подъеме сельского хозяйства стали кровным делом всех колхозников.

Этому всенародному движению за культурный, высокопроизводительный труд выставка должна оказать мощную помощь. Ее отраслевые павильоны должны стать показательными школами для мастеров растениеводства, для хлопководов, животноводов, плодоводов, механиков, притягивающих, которые здесь смогут изучать новейшую агрономическую технику. В зональных павильонах, где отражается весь комплекс передового хозяйства союзных республик, а также краев и областей РСФСР, каждый приехавший колхозник, — да и каждый московский посетитель выставки, — почувствует, как важно работать культурно и хорошо в любом производстве, на любом советском деле. И каждый премьер-министр гордым сознанием счастья быть советским гражданом, считать и себя в какой-то мере участником великой культурной революции, творцом успехов, которые повсюду достигнуты за эти годы великих сталинских пятилеток.

К Всеобщей сельскохозяйственной выставке наша страна — мировая хлебная ярмарка — приходит с запасами зерна, страхующими громадное государство от любой засухи и всяческих «неожиданностей», приходит, заняв первое место в Европе и третье место в мире по производству хлопка, первое место в мире по производству сахара, скважин, с первым в мире тракторным и машинным парком, с самой большой в мире сетью сельскохозяйственных учреждений и опытных станций, с мировыми рекордами урожайности, на которых, по таким культурам, как пшеница, ячмень, хлопок.

Страна приходит к выставке с планом великих работ третьей сталинской пятилетки, с громадными, еще не использованными резервами, которые таинственны в себе наше социалистическое сельское хозяйство, с большими научными открытиями, революционизирующими самые основы сельскохозяйственного производства. Выполнение третьей пятилетки и должна практически помочь выставке. Она привезет поднять всю массу колхозников до уровня передовых, чтобы обеспечить еще более высокие и устойчивые урожаи и воззвести жизнь и быт советских городов и сел на весь мир. Если бы высокий материальный и культурный уровень, предвиденный нашими великими учителями — Марксом, Энгельсом, Лениным, Сталиным. Вот в чем значение даты 1 августа 1939 года.

Если бы наш Горький дожил до этого большого дня...

СПАСЕМ ИСПАНСКУЮ КУЛЬТУРУ!

Когда в последние дни июля 1936 года Испания явила миру зреющие величайших подвигов героязма и воли, первые взрывы войны, организованной извне, но называвшейся еще «гражданской войной», заглушили шум выстрелов, раздавшихся на юге, в горах Гранады. От фашистских пуль пал один из крупнейших поэтов нашего времени, Фернандо Гарсия Лорка, и его смерть на самом рубеже войны оставила истинный смысл двух лет, последовавших после этого. Пробный удар банков генерала Франко показал всем, что он превращает собою варварство и зло — культуру.

На всех нас, из интеллигентии всех стран, лежит огромный долг перед истекающей кровью культурой Испании, перед испанской интеллигентией, мученичество которой началось смертью Гарсии Лорка. Она показала нам пример человеческого достоинства, отказывающегося преклоняться перед силами порабощения и уничтожения личности. Уроки этого никогда не забудутся. Имена тех, в ком испанская культура воплотилась в эти решавшие часы, навсегда вписаны в память человечества. Человечество всегда будет помнить Альвареса де Валу, писателя, ставшего министром и оставшегося, несмотря на все сомнения и интриги, бойцом за единство, как главную основу народной мации. Оно будет помнить Рафаэля Альбери, поэта, остававшегося до последнего часа в своем Мадриде, потому что его поэзия была неотъемлема от этого города, символа сопротивления. Оно будет помнить Хосе Бергамина, писателя католика, который понял, что вечное спасение достигается на земле и что это спасение там, где его народа. Оно будет помнить Густаво Дурана, одного из лучших музыкантов современности, которого войны превратила в военачальника. Память человечества сохранит все эти певущие испанские имена и навсегда соединит с ними имена тех, кто привнес им на помощь час, когда мысли и свободе стала угрожать опасность: английского писателя Ральфа Фокса, убитого на фронте, погибшего там же венгерского писателя Мата Залка, немецкого писателя Людвига Ренна, французского писателя Андже Мальро, американского писателя Хемингуэя.

После двух с половины лет сверхчеловеческой борьбы, окруженней, захваченной лицемерiem немецкательства, испанская республика была повернута ини. И в эту минуту, трагически перекликнувшись со смертью Гарсии Лорка, смерть еще одного испанского писателя снова приобрела символическое значение. Антонио Мачадо, величайший и старший из поэтов Испании, олицетворявший преемственность и мощь испанской поэзии, постаревший, больной, удрученный зрелищем отступлений и изгнания, умер на французской земле почти в ту самую минуту, как он, пешком, в потоке беженцев, достиг маленькой деревушки Коллиур, где мы ехали оказать помощь ему и его семье. Когда Лорка был расстрелян, Мачадо написал одну из самых прекрасных поэм Испании для нальбогии поэта. Сам же он умер на чужой земле, в момент, когда труду было петь.

Война в Испании, таким образом, началась и кончилась двумя жертвами — Лорка и Мачадо. Они остались на наследие и долг — живую культуру Испании, которую необходимо спасти. Испанская интеллигенция, сумевшая спастись из огня пожаров и бомбардировок, следила прошлого — Гойи, Греко, Веласкеза, испанские писатели, носители испанской культуры, пришли на землю Франции. Именно они олицетворяют собою культуру Испании. Если бы они погибли, были бы убита традиция и душа испанского народа. Мы должны обеспечить им жизнь!

Из речи Луи Арагона, произнесенной в Париже на недавно закончившейся Международной конференции помощи испанским беженцам.

ЖЮЛЬ РОМЭН Контратака у Морт-Ом

В 13 часов роты, стоявшие в резерве на склонах холма против Морт-Ом, к залпу от БП бригады, услышали радостную весть.

— Атака боевой отбита.

В самом деле, бомбардировка вдруг прекратилась. И не было оснований видеть в этом предвестие новой атаки, ибо колла немецкая нехотела ровно в полночь выпустить из своих окон, из артиллерии не только не замолчала, но, напротив, стала бить еще яростнее, перенеся огонь в глубину. Вазем, который, начиная с полуночи, вhaled самые разнообразные чувства, познал еще одно. Это была глубокая радость, которая внешне не проявлялась, и было легкое, очень легкое разочарование, которое он старался сделать как можно более заметным:

— Ах, черт возьми! Это обидно, — говорил он своим юным товарищам призыва 1916 года... — Что это так произошло?

Впрочем, его легчайшее разочарование было подлинным. Раз все равно рано или поздно придется это попробовать, уж пусть будет раньше сразу. Вазем чувствовал себя в форме, он был полон никого не изведенного возбуждения.

Во как неудачно началась день! В полночь, когда все храпели, вдруг — тревога: «Говорят, что завтра боши пойдут в атаку. Так как мы в резерве, малыши, будем спокойно лежать спать». («Малыши», этот раз былы были самые, призыва 1916 года, которые пришли в полк две недели тому назад).

— Но раньше проверьте их готовность. Старшие все будут бодрствовать: капралы, сержанты в первую очередь.

В семь часов утра, когда Вазем, поставив ружье между ног, боролся со сном, что-то потягнул его за плечо:

— Вас поручик зовет!

Поручик, командовавший ротой, прибыл в полк на несколько дней раньше Вазема. Это был еще очень молодой офицер, обладавший в глазах Вазема всеми мыслимыми качествами, — граф Вузенсон де Пеллерис, окончивший Сен-Сир в 14-м году, один из тех, кто попал на войну раньше, чем попал в высшую военную школу (он так и не успел стать устных аттестов), один из тех, которые с отличием учились в первую зиму войны, «не симпий белых перчаток». Граф де Пеллерис был худой, не очень высокий юноша, сохранивший всю свою элегантность даже в окопах, с прекрасными серыми глазами, с тонкой полоской светлых усов; голос у него был приветливый и сердечный, временами в нем слышались подлинная нежность и теплота. Казалось, он хочет окружить каждого солдата атмосферой доверия в любви. Он был трижды ранен, один раз — серьезно.

— Дорогой Вазем, — заявил он, — мне сказали, что прежде вы были капралом. Я счастлив обнять вас, что вам, по моему просьбе, вернули папки. Ваш отряд будет состоять из наших малышей призыва 1916 года. Очевидно, сегодня вам придется повести их в дело. Я знаю, что вы по-настоящему храбрый человек. Вы будите для них прекрасным примером.

Он протянул руку Вазему и дружески потянул ее.

В восемь часов утра: «Бум, бран-ран-ран, банг-бант». Вазем, пьяный от бесконечности от слез, прохаживался среди «своих людей».

— Вот это 77-миллиметровка... а выше — зеленое и желтое — 105-миллиметровые листанционного действия... Чего это гуд? Это должно быть траншейные пушки...

— Гуд для гуда! — сказал Вазем.

Бедные малыши были и восхищены и напуганы, они то разорвали от возбуждения, то зеленели от страха. Так как обстрел, достигший чудовищной силы, был все же направлен не в их сторону, они мало-мало расслабились, и многие даже решили, что в конце концов от всего этого больше шума, чем вреда. Не желая разбивать у них их иллюзии, младшие командиры давали им всякие советы насчет того, как вести себя в открытом поле, чтобы избежать лишнего риска.

В половине двенадцатого граф де Пеллерис, издавнуший в Париже на недавно закончившейся Международной конференции помощи испанским беженцам.

В половине двенадцатого граф де Пел-

лерис «Верден» является частью многоголосого труда Жюль Ромэн о людях добрых волей».

Описывая знаменитую верденскую эпоху, Жюль Ромэн показывает не только героиню борьбы, но и кулисы главной квартиры, непростильство поставщиков военного снаряжения. В рассуждениях главного героя романа Жерфланона проскальзывают часто панцистические нотки. Наиболее яркими страницами романа являются несомненно эпизоды, рисующие героям французских солдат, сражавшихся на верденских полях с такой же стойкостью, с какой их предки в 1792 году отражали под Вальмом попытки прусско-австрийских интервентов задушить свободную Французскую республику.

Мы приводим отрывок из последней главы, описывающей один из наиболее напряженных моментов борьбы вокруг высоты Морт-Ом. Полностью роман печатается в № 9 журнала «Знамя».

*

Вазем собрал малышей призыва 16 года, к великолюнию их изумлению и даже к изумлению самого Вазема, произнес своим приятным, чащающим голосом следующую краткую речь: «Мондороге друзья, нам надлежит принять участие в сражении. Ни нам довелось встретить первые волны немецкой атаки (никогда слово «война» не срывалось с его уст), но так как может случиться, что наши товарищи на первых линиях придется принять участие в сражении. Их призываю лежать спать». («Малыши», этот раз былы были самые, призыва 1916 года, которые пришли в полк две недели тому назад).

— Но раньше проверьте их готовность. Старшие все будут бодрствовать: капралы, сержанты в первую очередь.

В семь часов утра, когда Вазем, поставив ружье между ног, боролся со сном, что-то потягнул его за плечо:

— Вас поручик зовет!

Поручик, командовавший ротой, прибыл в полк на несколько дней раньше Вазема. Это был еще очень молодой офицер, обладавший в глазах Вазема всеми мыслимыми качествами, — граф Вузенсон де Пеллерис, окончивший Сен-Сир в 14-м году, один из тех, кто попал на войну раньше, чем попал в высшую военную школу (он так и не успел стать устных аттестов), один из тех, которые с отличием учились в первую зиму войны, «не симпий белых перчаток». Граф де Пеллерис был худой, не очень высокий юноша, сохранивший всю свою элегантность даже в окопах, с прекрасными серыми глазами, с тонкой полоской светлых усов; голос у него был приветливый и сердечный, временами в нем слышались подлинная нежность и теплота. Казалось, он хочет окружить каждого солдата атмосферой доверия в любви. Он был трижды ранен, один раз — серьезно.

— Дорогой Вазем, — заявил он, — мне сказали, что прежде вы были капралом.

Поручик, командовавший ротой, прибыл в полк на несколько дней раньше Вазема. Это был еще очень молодой офицер, обладавший в глазах Вазема всеми мыслимыми качествами, — граф Вузенсон де Пеллерис, окончивший Сен-Сир в 14-м году, один из тех, кто попал на войну раньше, чем попал в высшую военную школу (он так и не успел стать устных аттестов), один из тех, которые с отличием учились в первую зиму войны, «не симпий белых перчаток». Граф де Пеллерис был худой, не очень высокий юноша, сохранивший всю свою элегантность даже в окопах, с прекрасными серыми глазами, с тонкой полоской светлых усов; голос у него был приветливый и сердечный, временами в нем слышались подлинная нежность и теплота. Казалось, он хочет окружить каждого солдата атмосферой доверия в любви. Он был трижды ранен, один раз — серьезно.

Поручик, командовавший ротой, прибыл в полк на несколько дней раньше Вазема. Это был еще очень молодой офицер, обладавший в глазах Вазема всеми мыслимыми качествами, — граф Вузенсон де Пеллерис, окончивший Сен-Сир в 14-м году, один из тех, кто попал на войну раньше, чем попал в высшую военную школу (он так и не успел стать устных аттестов), один из тех, которые с отличием учились в первую зиму войны, «не симпий белых перчаток». Граф де Пеллерис был худой, не очень высокий юноша, сохранивший всю свою элегантность даже в окопах, с прекрасными серыми глазами, с тонкой полоской светлых усов; голос у него был приветливый и сердечный, временами в нем слышались подлинная нежность и теплота. Казалось, он хочет окружить каждого солдата атмосферой доверия в любви. Он был трижды ранен, один раз — серьезно.

Поручик, командовавший ротой, прибыл в полк на несколько дней раньше Вазема. Это был еще очень молодой офицер, обладавший в глазах Вазема всеми мыслимыми качествами, — граф Вузенсон де Пеллерис, окончивший Сен-Сир в 14-м году, один из тех, кто попал на войну раньше, чем попал в высшую военную школу (он так и не успел стать устных аттестов), один из тех, которые с отличием учились в первую зиму войны, «не симпий белых перчаток». Граф де Пеллерис был худой, не очень высокий юноша, сохранивший всю свою элегантность даже в окопах, с прекрасными серыми глазами, с тонкой полоской светлых усов; голос у него был приветливый и сердечный, временами в нем слышались подлинная нежность и теплота. Казалось, он хочет окружить каждого солдата атмосферой доверия в любви. Он был трижды ранен, один раз — серьезно.

Поручик, командовавший ротой, прибыл в полк на несколько дней раньше Вазема. Это был еще очень молодой офицер, обладавший в глазах Вазема всеми мыслимыми качествами, — граф Вузенсон де Пеллерис, окончивший Сен-Сир в 14-м году, один из тех, кто попал на войну раньше, чем попал в высшую военную школу (он так и не успел стать устных аттестов), один из тех, которые с отличием учились в первую зиму войны, «не симпий белых перчаток». Граф де Пеллерис был худой, не очень высокий юноша, сохранивший всю свою элегантность даже в окопах, с прекрасными серыми глазами, с тонкой полоской светлых усов; голос у него был приветливый и сердечный, временами в нем слышались подлинная нежность и теплота. Казалось, он хочет окружить каждого солдата атмосферой доверия в любви. Он был трижды ранен, один раз — серьезно.

Поручик, командовавший ротой, прибыл в полк на несколько дней раньше Вазема. Это был еще очень молодой офицер, обладавший в глазах Вазема всеми мыслимыми качествами, — граф Вузенсон де Пеллерис, окончивший Сен-Сир в 14-м году, один из тех, кто попал на войну раньше, чем попал в высшую военную школу (он так и не успел стать устных аттестов), один из тех, которые с отличием учились в первую зиму войны, «не симпий белых перчаток». Граф де Пеллерис был худой, не очень высокий юноша, сохранивший всю свою элегантность даже в окопах, с прекрасными серыми глазами, с тонкой полоской светлых усов; голос у него был приветливый и сердечный, временами в нем слышались подлинная нежность и теплота. Казалось, он хочет окружить каждого солдата атмосферой доверия в любви. Он был трижды ранен, один раз — серьезно.

Поручик, командовавший ротой, прибыл в полк на несколько дней раньше Вазема. Это был еще очень молодой офицер, обладавший в глазах Вазема всеми мыслимыми качествами, — граф Вузенсон де Пеллерис, окончивший Сен-Сир в 14-м году, один из тех, кто попал на войну раньше, чем попал в высшую военную школу (он так и не успел стать устных аттестов), один из тех, которые с отличием учились в первую зиму войны, «не симпий белых перчаток». Граф де Пеллерис был худой, не очень высокий юноша, сохранивший всю свою элегантность даже в окопах, с прекрасными серыми глазами, с тонкой полоской светлых усов; голос у него был приветливый и сердечный, временами в нем слышались подлинная нежность и теплота. Казалось, он хочет окружить каждого солдата атмосферой доверия в любви. Он был трижды ранен, один раз — серьезно.

Поручик, командовавший ротой, прибыл в полк на несколько дней раньше Вазема. Это был еще очень молодой офицер, обладавший в глазах Вазема всеми мыслимыми качествами, — граф Вузенсон де Пеллерис, окончивший Сен-Сир в 14-м году, один из тех, кто попал на войну раньше, чем попал в высшую военную школу (он так и не успел стать устных аттестов), один из тех, которые с отличием учились в первую зиму войны, «не симпий белых перчаток». Граф де Пеллерис был худой, не очень высокий юноша, сохранивший всю свою элегантность даже в окопах, с прекрасными серыми глазами, с тонкой полоской светлых усов; голос у него был приветливый и сердечный, временами в нем слышались подлинная нежность и теплота. Казалось, он хочет окружить каждого солдата атмосферой доверия в любви. Он был трижды ранен, один раз — серьезно.

Поручик, командовавший ротой, прибыл в полк на несколько дней раньше Вазема. Это был еще очень молодой офицер, обладавший в глазах Вазема всеми мыслимыми качествами, — граф Вузенсон де Пеллерис, окончивший Сен-Сир в 14-м году, один из тех, кто попал на войну раньше, чем попал в высшую военную школу (он так и не успел стать устных аттестов), один из тех, которые с отличием учились в первую зиму войны, «не симпий белых перчаток». Граф де Пеллерис был худой, не очень высокий юноша, сохранивший всю свою элегантность даже в окопах, с прекрасными серыми глазами, с тонкой полоской светлых усов; голос у него был приветливый и сердечный, временами в нем слышались подлинная нежность и теплота. Казалось, он хочет окружить каждого солдата атмосферой доверия в любви. Он был трижды ранен, один раз — серьезно.

Поручик, командовавший ротой, прибыл в полк на несколько дней раньше Вазема. Это был еще очень молодой офицер, обладавший в глазах Вазема всеми мыслимыми качествами, — граф Вузенсон де Пеллерис, окончивший Сен-Сир в 14-м году, один из тех, кто попал на войну раньше, чем попал в высшую военную школу (он так и не успел стать устных аттестов), один из тех, которые с отличием учились в первую зиму войны, «не симпий белых перчаток». Граф де Пеллерис был худой, не очень высокий юноша, сохранивший всю свою элегантность даже в окопах, с прекрасными серыми глазами, с тонкой полоской светлых усов; голос у него был приветливый и сердечный, временами в нем слышались подлинная нежность и теплота. Казалось, он хочет окружить каждого солдата атмосферой доверия в любви. Он был трижды ранен, один раз — серьезно.

Поручик, командовавший ротой, прибыл в полк на несколько дней раньше Вазема. Это был еще очень молодой офицер, обладавший в глазах Вазема всеми мыслимыми качествами, — граф Вузенсон де Пеллерис, окончивший Сен-Сир в 14-м году, один из тех, кто попал на войну раньше, чем попал в высшую военную школу (он так и не успел стать устных аттестов), один из тех, которые с отличием учились в первую зиму войны, «не симпий белых перчаток». Граф де Пеллерис был худой, не

*
Н. ЛЕВИЦКИЙ
Комбриг

ПОВЫШАТЬ ВОЕННУЮ КВАЛИФИКАЦИЮ НАРОДА

Последние прочитанные мной произведения антифашистской и оборонной литературы — это «Возведение на престол короля» Арнольда Цвейга и «Первый удар» Н. Шпанова.

Роман А. Цвейга представляет собой, несомненно, крупнейшее явление в антифашистской и антивойной литературе последних лет. Художественно ярко и превильно писатель рисует нам затхлую атмосферу германских штабов на переднемондном этапе первой империалистической войны. Он вскрывает всю глупость германского оккупационного режима в завоеванных областях, показывает нарастание иловельства и революционного протеста в массах германского народа и его армии.

Но все же Арнольд Цвейг не развернулся в романе важнейшей, как мне кажется, проблемы взаимозависимости воли народных и солдатских масс в характере деятельности полководца. Мы не видим в романе, как угласание воли германской армии к победе отражалось на действиях ее полководцев, на утрате ими творческой энергии и способности черпать новые идеи для своих стратегических замыслов в энергии масс.

Художественную проблему, которую не разрешил в своем романе Арнольд Цвейг, должна решить советская оборонная литература.

В самом деле, катастрофа германского империализма в 1918 году представляет классический образ несовместившегося интересов армии с интересами ее вождей. Но зато противоположный пример гармоничного слияния воли масс и вождей предстает история побед, одержанных нашей геройской Красной Армии под руководством товарищей Сталина и Бородина.

Блестящие страницы гражданской войны лают нашей оборонной художественной литературе ключ к созданию образа великого полководца, сочетающего разностороннюю боевую и черпающую свои непоколебимой волей и черпающую свои творческие силы из энергии великого советского народа, охваченного энтузиазмом борьбы за свободу и независимость социалистического отечества.

Другая называемая мною книга — «Первый удар» Николая Шпанова имеет бесспорное оборонное значение. Она дает известное представление о характере современной воздушной войны и даже некоторые специальные познания. Это чрезвычайно важно. Познавательная роль оборонной литературы не должна игнорироваться писателями.

Опыт Шпанова должен быть в значительной степени распространен и углублен. Нужно в нашей литературе дать не менее яркую картину боевой деятельности других ролей войска и картину взаимодействия всех родов войск, направленных к достижению единой цели — победы над вражескими силами.

Хочется выразить пожелание, чтобы наша оборонная литература уделяла больше внимания таким моментам, которые обогащают творческое воображение советского гражданина, будущего бойца, и расширяют его представление о средствах защиты и нападения. Чрезвычайно важно, чтобы наш боев сумел на поле боя максимально проявить творческую инициативу и изобретательность. Военная история дает немало примеров проявления этих качеств русским солдатом, но оборонная литература мало этим занимается. Взять хотя бы такую страницу нашей недавней военной истории, как героическая оборона Порт-Артура. Отвратительные потери, понесенные японцами на подступах к этой крепости, в значительной степени объясняются сметкой, инициативой и изобретательностью, проявленными рядовыми защитниками Порт-Артура.

ВИКТОР ФИНК

РОЗЫСКИ ВИНОВНЫХ

Когда в 1914 году осенью, в сараевском суде разбиралось дело об убийстве австро-венгерского архидюка Франца-Фердинанда, то материалы судебного следствия оказались весьма ограниченными. На скамье подсудимых не попал полковник Дмитриевич — начальник сербской разведки и руководитель террористической организации «Черная рука», лично спланировавший теракт. Но попали сербский король Петр и наследник престола принц Александар, покровительствование «Черной руке». Не попал также российский посланник Гартинг, который фактически направлял все сербской внешней политикой и был вдохновителем «Черной руки». Не попал и российский министр иностранных дел Сазонов, который знал о предстоящем убийстве австро-венгерского архидюка и незадолго до террористического акта бедоседил об этом о французским послом Палеоле-ром.

Люди, попавшие под суд, производили странное впечатление. Зал суда напоминал классическую комедию: среди подсудимых не было ни одного совершившего преступления. Действительно, из двадцати четырех — едва ли не шестнадцати — смены-надзирателей они были школьниками, и по делу об этом преступстве адво-каты спрашивали у них, какие они получают отметки по арифметике и чистописанию и какие по поведению.

Между тем венское правительство требовало смертных приговоров. В специальном письме из Амстердама Боснийский австро-венгерский министр иностранных дел граф Берхольд настоял на том, чтобы все подсудимые были казнены. Министр четко обосновал свои требования. Он считал, что если преступление не будет признано достаточно серьезным для вынесения смертного приговора, то «мыли бы показаться сомнительными наши основания для конфликта с Сербией, каковой конфликт имеет своим последствием войну».

Буржуазия уже с 1914 г. начала подыскивать людей, которых можно было бы выставить единоличными виновниками мировой войны. Граф Берхольд со своей стороны считал вполне подходящим для этой роли ту кучку студентов и гимназистов, которых полиция успела всплыть на скамью подсудимых в глухом провинциальном городе Сараево.

И. МОШЛЯК
Герой Советского Союза, капитан

ТЕМА ВОЙНЫ

Военная тема в 20—30-е годы заняла прочное и большое место в литературе Запада и Америки. Это и не удивительно! Прошла первая мировая империалистическая война, породившая свою литературу и своих художников. Сейчас, после двадцатилетней передышки, мир вновь во вторую империалистическую войну, первую которой блеснули ужасы 1914—1917 гг.

Мне довелось познакомиться с лучшими образами западной литературы о войне. Эти книги о несправедливой войне капитализма, написанные художниками различной социальной направленности и различных масштабов драматизма, созданы как бы под одним впечатлением, она одна мысли пропытывает их: война ужасна; это не может и не должно повторяться!

Ярослав Гашек в «Похождениях бравого солдата Швейка» изображает австро-венгерскую армию. В гротесковом стиле он пишет, в сущности, о кошмарах. Смешные приключения Швейка — это цепь страшных событий, разоблачающих неприглядное лицо буржуазной армии.

Ричард Оллинтон в романе «Смерть героя» даёт в лице Джорджа Винтербюра типичный образ солдата английской армии в безумном отчаянии бросающегося под пулеметы, жаждущего гибели, как спасения от окружающей его мрачной действительности.

Итальянская армия в романе Э. Хомицкого «Прощай, оружие!» — школа, воспитывающая пессимистов. Недаром герой романа молодой офицер Генри становится лезгином и бежит из армии, разочаровавшись в славно-насыщенной иллюзии «национального колга».

Мне довелось прочесть и произведения этого плана, в которых описывается не наименее характера в условиях капиталистической войны, а революционное восстание.

В «Огне» Барбюса, в «Добредо» Мате Залка, в романе А. Цвейга «Воспитание под Вероном» я прочел о том, как под влиянием ужасов капиталистической войны рождаются солдаты-революционеры, в которых пробуждается классовая сознательность, пробуждается ненависть к тем, кто послал их умирать за интересы кучки финансистов.

Но это — все же продолжение единой темы, описание удушающей обстановки капиталистической армии.

Я открываю книгу советского писателя, посвятившего свое произведение также войне, но войне справедливой, войне за свободу человечества, за свободу своей родины!

Со страниц книги на меня глядят смелые, мужественные лица советских бойцов, знающих, за что они борются, и готовых на все во имя этой прекрасной цели!

Из героя книги о гражданской войне, мало особенно близок и дорог Семен Катков, сын трущобного народа, чей правильный портрет талантливо нарисовал Валентин Катаев. Этот солдат стал коммунистом в боях за родину, и воспитаны его под отчесом пуль большевики. Поэтому так понятны его мужество, отвага, беззаветная преданность своей украинской земле.

Прототип недавно Н. Шпанова «Первый удар». Хорошая книга. Жизнь и смерть героя, сила труда народа, геройская единица, несокрушимая сила советского патриотизма. Нет боли, нет страха, есть только все-поглощающее счастье: советская земля свободы человечества, за свободу своей родины.

Со страниц книги на меня глядят смелые, мужественные лица советских бойцов, которых почастливилось драстику на Хасане.

Ежедневно на рубежах нашей родины, в нашей армии, во флоте рождаются новые герои, и писатели должны знать, какое счастье испытывают хасановцы, когда голому солдату вручается красный флаг на вершине сопки Засекерин, очищенной от врага. Они должны знать, какое чувство восторга охватывает советского бойца, когда с пыткой на пересечек он мчится на врага с возгласом: «За родину! За Сталина!» — и враг бежит, потрясенный величием геройской красной армии.

Я открыла книгу советского писателя, посвятившего свое произведение также войне, но войне справедливой, войне за свободу человечества, за свободу своей родины!

И пережил все это. А вместе со мной это пережили тысячи бойцов и командиров, которых почастливилось драстику на Хасане.

Ежедневно на рубежах нашей родины, в нашей армии, в мирной обстановке показывают ее командини и красноармейца в их живом посвящении всемирному взаимодействию.

Необходимо создать авторитетную и компетентную как в литературном, так и в военном отношении критику обороны литературы. Это несомненно способствовало бы быстрой ликвидации ее отставания.

А. АХУТИН
Профессор, бригадир инженер

ПРОТИВ ШТАМПА

Что мне, как читателю, запомнилось из лучших из произведений оборонной литературы за последние времена? В первую очередь я называл бы «Цархеменка» Вс. Иванова и «Севастопольскую строку» Сергеева-Ценского.

В произведении Вс. Иванова найден, мне кажется, колоссальный сдвиг документальности и художественности. Роман создает цельное впечатление о Цархеменке, как о человеке и революционере.

Эпопея о Севастопольской обороне, созданной Сергеевым-Ценским, свойственно довольно редкое в оборонной литературе качество — автор прекрасно знает место действия и добросовестно основывает на достоверных источниках, а также благодаря личному опыту, как он сам пишет.

Отмечая сегодня день протеста против фашистского насилия, мы должны помнить о том, что в это время, в эти часы нации, о кошмарах. Смешные приключения Швейка — это цепь страшных событий, разоблачающих неприглядное лицо буржуазной армии.

Мне довелось познакомиться с лучшими образами западной литературы о войне. Эти книги о несправедливой войне капитализма, написанные художниками различной социальной направленности и различных масштабов драматизма, созданы как бы под одним впечатлением:

«Иду в войну, хочу умереть большевиком».

Таковы психологи беспартийного бойца, который передышки, мир вновь во вторую империалистическую войну, первую которой блеснули ужасы 1914—1917 гг.

Мне довелось познакомиться с лучшими образами западной литературы о войне.

«Иду в войну, хочу умереть большевиком».

Таковы психологи беспартийного бойца,

который передышки, мир вновь во вторую империалистическую войну, первую которой блеснули ужасы 1914—1917 гг.

Мне довелось познакомиться с лучшими образами западной литературы о войне.

«Иду в войну, хочу умереть большевиком».

Таковы психологи беспартийного бойца,

который передышки, мир вновь во вторую империалистическую войну, первую которой блеснули ужасы 1914—1917 гг.

Мне довелось познакомиться с лучшими образами западной литературы о войне.

«Иду в войну, хочу умереть большевиком».

Таковы психологи беспартийного бойца,

который передышки, мир вновь во вторую империалистическую войну, первую которой блеснули ужасы 1914—1917 гг.

Мне довелось познакомиться с лучшими образами западной литературы о войне.

«Иду в войну, хочу умереть большевиком».

Таковы психологи беспартийного бойца,

который передышки, мир вновь во вторую империалистическую войну, первую которой блеснули ужасы 1914—1917 гг.

Мне довелось познакомиться с лучшими образами западной литературы о войне.

«Иду в войну, хочу умереть большевиком».

Таковы психологи беспартийного бойца,

который передышки, мир вновь во вторую империалистическую войну, первую которой блеснули ужасы 1914—1917 гг.

Мне довелось познакомиться с лучшими образами западной литературы о войне.

«Иду в войну, хочу умереть большевиком».

Таковы психологи беспартийного бойца,

который передышки, мир вновь во вторую империалистическую войну, первую которой блеснули ужасы 1914—1917 гг.

Мне довелось познакомиться с лучшими образами западной литературы о войне.

«Иду в войну, хочу умереть большевиком».

Таковы психологи беспартийного бойца,

который передышки, мир вновь во вторую империалистическую войну, первую которой блеснули ужасы 1914—1917 гг.

Мне довелось познакомиться с лучшими образами западной литературы о войне.

«Иду в войну, хочу умереть большевиком».

Таковы психологи беспартийного бойца,

который передышки, мир вновь во вторую империалистическую войну, первую которой блеснули ужасы 1914—1917 гг.

Мне довелось познакомиться с лучшими образами западной литературы о войне.

«Иду в войну, хочу умереть большевиком».

Таковы психологи беспартийного бойца,

который передышки, мир вновь во вторую империалистическую войну, первую которой блеснули ужасы 1914—1917 гг.

Мне довелось познакомиться с лучшими образами западной литературы о войне.

«Иду в войну, хочу умереть большевиком».

Таковы психологи беспартийного бойца,

который передышки, мир вновь во вторую империалистическую войну, первую которой блеснули ужасы 1914—1917 гг.

Боевые баллады

А. ЕВГЕНЬЕВ

В тот день, когда была объявлена война, Николаю Тихонову вспомнились слова Гейне: «Я восхваляю не подвиг, но только человеческий дух, подвиг — только одежда духа, а история есть не что иное, как старый гардероб человеческого духа».

День, когда поэт пошел на фронт, был днем краха многих иллюзий. Но иллюзии ушли, уступив место трагическим противоречиям: невавилон империю, поэт стал ее защитником.

Это были благие противоречия. Они вели к пониманию правды, к пониманию самого духа героязма.

Для Эдуарда Багрицкого за последней ночью мира наступил первый день зреологии. Владимир Маяковский сквозь строй и гротеск сумел пронести любовь к живому и стать на земле «глазащим грядущими правы». Герой тихоновской «Войны» Эрна Астен проklärя войну и обявил себя свободным от первых, религии и государства. В конце концов он пришел к революционному пониманию действительности, далекому от патифистских иллюзий.

Но в те годы, когда война еще только надвинулась, для поколения, впервые вступающего в жизнь, она была в значительной степени клубком нераспутанных противоречий. Они возникли и требовали решения. Многие искали тогда выхода в пропаганде анархистско-независимой личности, свободной и от уз прошлых предсудков и от связи с коллективом. Сам Тихонов в тот период, кроме Гейне, читал еще Ницше.

Инициативный протест против войны для многих был первой ступенью к пониманию действительной взаимосвязи между и событий. Годы, последовавшие за войной, были настойчивой ложкой старых ощущений и возвращений. Это были годы революции, гражданской войны. Бунтар-

ство «независимой личности» сменилось сознанием закона революционного долга.

Б этому периоду относятся «Баллады» Николая Тихонова. Критики много писали об их отвлеченности, о романтической абстрактности, о романтическом понимании самого революционного долга. То, что описано в балладах, могло происходить не только у нас в стране, но и на любой другой точке земного шара. Герои супетствовали всегда, и геройзм всегда находил свое проявление в подвиге. Считалось, что Тихонов не уловил специфики героики гражданскои войны.

Действительно, в «Балладе о синем пакете» создание революционной целесообразности заменено сознанием одного прямого долга; человек, с невероятными трудностями доставивший пакет к месту назначения, узнает, что подвиг совершен им впоследствии, что он не нужен:

Письмо в грязи и в крови запеклось,
И подвиг разорвал его вкось,

Прочел — о фронт руки обтер,
Скомкал и бросил за ковер.

— Оно опоздало на полчаса,
Не нужно — я все уже знаю сам.

Подвиг здесь — только проявление человеческого духа, революционной воли и энтузиазма. Пусть вот этот подвиг человека, доставившего письмо, пропадет впустую. Но живет та сила, которая толкнула его на подвиг и которая заставляет его совершить еще не одно геройическое дело. Тихонов и ценит эту человеческую силу, хотя она и вступает здесь во временный конфликт с целесообразностью. Может быть, это и есть величайшее проявление геройзма, существующего вопреки случайному.

Когда писатель рассказывает о стране, он чувствует себя слабым и беспомощным у ее ног. Как изобразить страну во весь ее рост? Как передать словами все величие разнообразие ее красок и ароматов, всю ширь ее равнин, от которой захватывает дух, всю мощь ее гор, всю беспредельную силу ее народов?

Трудно одному человеку рассказать о жизни миллионов.

И вот страна сама рассказывает о себе.

Тысячами кистей на тысячах квадратных метров полотна изображается она своих лесов и поля, своих садов и рощ. Сотнями резин высекает она из камня изваяния, чтобы запечатлеть черты лучших своих детей.

Но полотно и мрамор — это, как эхо, только отражение живой жизни.

Чтобы каждый из нас мог видеть и осознать живую жизнь, страна ведет нас из республики в республику, из области в область.

Могучий рукой перенесла она для нас в Москву мандариновые рощи Грузии, золотые поля Алтая, кудрявые виноградники Армении.

Она положила у наших ног пальмы инизы, чтобы мы могли сами подсчитать колосья и оценить тяжесть и величину зерна.

Для путешествия по Советскому Союзу нужны недели и месяцы. На выставке это путешествие можно совершил в один день.

Чтобы посмотреть на сады и деревни субтропиков, вам не придется пересаживаться с поезда на пароход, с парохода на поезд. Деревья субтропиков сами проходят это путешествие, только в обратном направлении — с юга на север. А вместе с ними прибывает на всесоветский съезд растений еще много других знатных путешественников. Их везут сюда с величайшей почтительностью, в беленных из марфы, в ящиках из фанеры.

Вот невысокие деревья с темнозелеными круглыми кронами. Среди длинных, словно лакированных, листьев висят грозы — то три, то четыре птицы — большие зеленые плоды. Да ведь это лилии! Они будут дозревать, наливаться золотистым соком здесь, в Москве, под стеклянным небом теплицы.

Рядом белеют среди густой листвы цветы мандаринов с толстыми, словно сделанными из воска, лепестками. Взбегают по ветвям яркие огоньки — красные цветы гранатовых деревьев. Словно зрители в театре, разместившись рядом на горке, смотрят на несолько дней в плавания и находят, что, благодаря системе цепи, хороших капитанов мало, и способные офицеры бегут из флота... И были минуты, когда он считал обязанностью уйти от взлета... Честного старика успокаивали, просили продолжать свою неустанную, безукоризненную деятельность, и он остался, еще более работал, во все вникал, все выслушивал, решал, полисыпал, ворчал, пылил и грубо разносил с распущенностью избалованного поблодствием деспути, раздражал и бешено негодовал, как честный человек, чувствующий по временам себя, как в лесу, и сознавший свое бес民族文化.

Каждый куст, каждое дерево в этом великолепном саду — гонцы от тысячи таких кустов и деревьев. Они присыпают гонки, чтобы он засматривался своим плодом, раскраской своих цветов рассказывал о великой радости труда, творческого труда земледельца.

Когда ходишь по выставке, невольно задаешь себе вопрос: что здесь лучше, ярче, прекраснее — цветная мозаика стен или мозаичный ковер цветов, стройные стволы деревьев или стройные стволы колонн, сказочные трамы, нарисованные искусной рукой художников мастеров, или полиптические трамы, расстущиеся рядом на земле.

Природа и труд, естество и искусство спорят здесь на каждом шагу.

Впрочем, верно ли это?

Разве природа сама создала бы все это великолепие красок, форм, ароматов?

Нет, каждый плод находит, как соком, человеческим трудом. Каждый стебель выращен из семян, которые посыпались на землю, когда настала осень.

Даже венчание не соответствует его чину. «Невысокий, худощавый, без импонирующего адмиральского вида завзятого

и сильных человеческих качествами, одинокий борец за правду, патрист, ревнитель русского флота. Обычно его не понимают окружающие».

И вот эту позицию флота, даже венчание не соответствует его чину.

«Невысокий, худощавый, без импонирующего адмиральского вида завзятого

и сильных человеческих качествами, одинокий борец за правду, патрист, ревнитель русского флота. Обычно его не понимают окружающие».

И вот эту позицию флота, даже венчание не соответствует его чину.

«Невысокий, худощавый, без импонирующего адмиральского вида завзятого

и сильных человеческих качествами, одинокий борец за правду, патрист, ревнитель русского флота. Обычно его не понимают окружающие».

И вот эту позицию флота, даже венчание не соответствует его чину.

«Невысокий, худощавый, без импонирующего адмиральского вида завзятого

и сильных человеческих качествами, одинокий борец за правду, патрист, ревнитель русского флота. Обычно его не понимают окружающие».

И вот эту позицию флота, даже венчание не соответствует его чину.

«Невысокий, худощавый, без импонирующего адмиральского вида завзятого

и сильных человеческих качествами, одинокий борец за правду, патрист, ревнитель русского флота. Обычно его не понимают окружающие».

И вот эту позицию флота, даже венчание не соответствует его чину.

«Невысокий, худощавый, без импонирующего адмиральского вида завзятого

и сильных человеческих качествами, одинокий борец за правду, патрист, ревнитель русского флота. Обычно его не понимают окружающие».

И вот эту позицию флота, даже венчание не соответствует его чину.

«Невысокий, худощавый, без импонирующего адмиральского вида завзятого

и сильных человеческих качествами, одинокий борец за правду, патрист, ревнитель русского флота. Обычно его не понимают окружающие».

И вот эту позицию флота, даже венчание не соответствует его чину.

«Невысокий, худощавый, без импонирующего адмиральского вида завзятого

и сильных человеческих качествами, одинокий борец за правду, патрист, ревнитель русского флота. Обычно его не понимают окружающие».

И вот эту позицию флота, даже венчание не соответствует его чину.

«Невысокий, худощавый, без импонирующего адмиральского вида завзятого

и сильных человеческих качествами, одинокий борец за правду, патрист, ревнитель русского флота. Обычно его не понимают окружающие».

И вот эту позицию флота, даже венчание не соответствует его чину.

«Невысокий, худощавый, без импонирующего адмиральского вида завзятого

и сильных человеческих качествами, одинокий борец за правду, патрист, ревнитель русского флота. Обычно его не понимают окружающие».

И вот эту позицию флота, даже венчание не соответствует его чину.

«Невысокий, худощавый, без импонирующего адмиральского вида завзятого

и сильных человеческих качествами, одинокий борец за правду, патрист, ревнитель русского флота. Обычно его не понимают окружающие».

И вот эту позицию флота, даже венчание не соответствует его чину.

«Невысокий, худощавый, без импонирующего адмиральского вида завзятого

и сильных человеческих качествами, одинокий борец за правду, патрист, ревнитель русского флота. Обычно его не понимают окружающие».

И вот эту позицию флота, даже венчание не соответствует его чину.

«Невысокий, худощавый, без импонирующего адмиральского вида завзятого

и сильных человеческих качествами, одинокий борец за правду, патрист, ревнитель русского флота. Обычно его не понимают окружающие».

И вот эту позицию флота, даже венчание не соответствует его чину.

«Невысокий, худощавый, без импонирующего адмиральского вида завзятого

и сильных человеческих качествами, одинокий борец за правду, патрист, ревнитель русского флота. Обычно его не понимают окружающие».

И вот эту позицию флота, даже венчание не соответствует его чину.

«Невысокий, худощавый, без импонирующего адмиральского вида завзятого

и сильных человеческих качествами, одинокий борец за правду, патрист, ревнитель русского флота. Обычно его не понимают окружающие».

И вот эту позицию флота, даже венчание не соответствует его чину.

«Невысокий, худощавый, без импонирующего адмиральского вида завзятого

и сильных человеческих качествами, одинокий борец за правду, патрист, ревнитель русского флота. Обычно его не понимают окружающие».

И вот эту позицию флота, даже венчание не соответствует его чину.

«Невысокий, худощавый, без импонирующего адмиральского вида завзятого

и сильных человеческих качествами, одинокий борец за правду, патрист, ревнитель русского флота. Обычно его не понимают окружающие».

И вот эту позицию флота, даже венчание не соответствует его чину.

«Невысокий, худощавый, без импонирующего адмиральского вида завзятого

и сильных человеческих качествами, одинокий борец за правду, патрист, ревнитель русского флота. Обычно его не понимают окружающие».

И вот эту позицию флота, даже венчание не соответствует его чину.

«Невысокий, худощавый, без импонирующего адмиральского вида завзятого

и сильных человеческих качествами, одинокий борец за правду, патрист, ревнитель русского флота. Обычно его не понимают окружающие».

И вот эту позицию флота, даже венчание не соответствует его чину.

«Невысокий, худощавый, без импонирующего адмиральского вида завзятого

и сильных человеческих качествами, одинокий борец за правду, патрист, ревнитель русского флота. Обычно его не понимают окружающие».

И вот эту позицию флота, даже венчание не соответствует его чину.

«Невысокий, худощавый, без импонирующего адмиральского вида завзятого

и сильных человеческих качествами, одинокий борец за правду, патрист, ревнитель русского флота. Обычно его не понимают окружающие».

Невышедшая книга Чехова

Первой книгой А. П. Чехова считается сборник его рассказов «Сказки Мельпомены», вышедший в Москве в 1884 году под псевдонимом: «Шесть рассказов Чехонте» (тип. А. Левенсон, 96 стр., ц. 60 к.). Книжку эту, читаем мы в письме Чехова И. А. Лейкину (от 16 февраля 1886 г.), в котором он крепко с улыбкой в продолжение четырех месяцев со дня выхода.

Однако «Сказки Мельпомены» не являются действительным первым по времени выхода сборником рассказов Чехова. При мерно во второй половине 1883 г. А. П. сделал попытку выпустить книжку юмористических рассказов на свой счет, так как мало кому известны сорувики сатирических изданий («Будильник», «Зонтик», «Стрекоза»). Антона Чехонте не мог рассчитывать на помощь издали. Он подготовил к печати книгу обемом в 7 печатных листов, включив в нее ряд рассказов, ранее печатавшихся в московских журнальчиках. Книга была украшена рисунками его младшего брата Николая Павловича Чехова — молодого талантливого художника, через несколько лет скончавшегося (1889).

Начинающий автор нашел типографию, согласившуюся принять заказ с уплатой по его выполнении, книга была набрана, может быть, в какой-то части тиража отпечатана, но... в свет не вышла, так как у одного из братьев Чеховых не оказалось денег для того, чтобы расплатиться с владельцем типографии.

Издание, повиновенное погибло. Осталась единственная, да и то, в сожалению, не полный экземпляр книги, сохранившийся в семье Антона Павловича.

В этом уникальном экземпляре — 112 страниц. Ни титульного, ни концевого листов не сохранилось. Вместо них вклеено соответствующее число страниц чистой белой бумаги. Таким образом, мы не знаем называния этой ранней книги Чехова, равно как и конца последнего рассказа, так как он обрывается почти на полуслова:

— Нехорошее предзнаменование! — пробормотал...

Судя по тому, что в книге штампуются отпечатки, можно предположить, что упомянутый экземпляр ее является корректурным.

В книгу включено 12 следующих рассказов: «Люди антического, Перевод...», «Портального», «Папаша», «Петров день», «За думку заинчай погонились, на отчего не поймайся», «Испорвь или Оля. Женя Зоя», «Грешник из Толедо» (перевод с испанского), «Темпераменты» (по последним выявленам наукам), «Летающие острова», соч. Жюля Верна (пародия), «Перед стальбой», «Письмо к ученному сослагу». «В вагоне», «Тысяча один страшь или страшная ночь» (робкое подражание Виктору Гогу).

В значительной части рассказов, еще не заложены и художественно слабы, чувствуется все же будущий мастер новеллы, писатель большого, обаятельного таланта. Интересны рассказы, написанные в пародийной манере. К ней в дальнейшем писатель почти не возвращался.

В сборнике 15 весьма выразительных и острых рисунков И. П. Чехова, иллюстрирующих текст.

Почти все вещи, вошедшие в книгу, в дальнейшие отдельные издания сочинений Чехова им не включались. Рассказы «Перед стальбой» он впоследствии воспользовался как материалом для своего знаменитого водевиля «Свадьба» (1890).

В. НАГЕЛЬ

УМЕР ТЕР-ГРИГОРЯН

ЕРЕВАН. (От наш. корр.). 26 июля на 85-м году жизни скончался старейший армянский писатель-драматург Эммануил Григорян. Им написано около 20 пьес. Тер-Григорян был активным общественным деятелем. Он один из основателей театра в Ереване. По его инициативе был проведен первый водопровод в городе.

ТВОРЧЕСТВО ПОЭТА НА ОБСУЖДЕНИИ В ОБКОМЕ КОМСОМОЛА

ЯРОСЛАВЛЬ. (От наш. корр.). Недавно в Ярославском обкоме ВЛКСМ проходило по совместному заседанию бюро обкома и ярко-заслушанное творческое собрание. Был заслушан творческий отчет молодого поэта Марка Лисинского и доклад о нем поэта Федосеева. В обсуждении творчества Лисинского участвовали члены литературного обединения, работники искусства, преподаватели и студенты Педагогического института.

Была выступление товарищи, подвергнув критике стихи Лисинского, написанные годами три-четыре назад, или положительную оценку последним стихам молодого поэта — «История маленького почтальона», «Городок», «Гимн жестянки». Эти стихи говорят о творческом росте поэта, о том, что Лисинский выходит из поэзии, которую известны сорувики сатирических изданий («Будильник», «Зонтик», «Стрекоза»). Антона Чехонте не мог рассчитывать на помощь издали. Он подготовил к печати книгу обемом в 7 печатных листов, включив в нее ряд рассказов, ранее печатавшихся в московских журнальчиках. Книга была украшена рисунками его младшего брата Николая Павловича Чехова — молодого талантливого художника, через несколько лет скончавшегося (1889).

Начинающий автор нашел типографию, согласившуюся принять заказ с уплатой по времени выполнения, книга была набрана, может быть, в какой-то части тиража отпечатана, но... в свет не вышла, так как у одного из братьев Чеховых не оказалось денег для того, чтобы расплатиться с владельцем типографии.

Издание, повиновенное погибло. Осталась единственная, да и то, в сожалению, не полный экземпляр книги, сохранившийся в семье Антона Павловича.

В этом уникальном экземпляре — 112 страниц. Ни титульного, ни концевого листов не сохранилось. Вместо них вклеено соответствующее число страниц чистой белой бумаги. Таким образом, мы не знаем называния этой ранней книги Чехова, равно как и конца последнего рассказа, так как он обрывается почти на полуслова:

— Нехорошее предзнаменование! — пробормотал...

Судя по тому, что в книге штампуются отпечатки, можно предположить, что упомянутый экземпляр ее является корректурным.

В этом уникальном экземпляре — 112 страниц. Ни титульного, ни концевого листов не сохранилось. Вместо них вклеено соответствующее число страниц чистой белой бумаги. Таким образом, мы не знаем называния этой ранней книги Чехова, равно как и конца последнего рассказа, так как он обрывается почти на полуслова:

— Нехорошее предзнаменование! — пробормотал...

Судя по тому, что в книге штампуются отпечатки, можно предположить, что упомянутый экземпляр ее является корректурным.

В этом уникальном экземпляре — 112 страниц. Ни титульного, ни концевого листов не сохранилось. Вместо них вклеено соответствующее число страниц чистой белой бумаги. Таким образом, мы не знаем называния этой ранней книги Чехова, равно как и конца последнего рассказа, так как он обрывается почти на полуслова:

— Нехорошее предзнаменование! — пробормотал...

Судя по тому, что в книге штампуются отпечатки, можно предположить, что упомянутый экземпляр ее является корректурным.

В этом уникальном экземпляре — 112 страниц. Ни титульного, ни концевого листов не сохранилось. Вместо них вклеено соответствующее число страниц чистой белой бумаги. Таким образом, мы не знаем называния этой ранней книги Чехова, равно как и конца последнего рассказа, так как он обрывается почти на полуслова:

— Нехорошее предзнаменование! — пробормотал...

Судя по тому, что в книге штампуются отпечатки, можно предположить, что упомянутый экземпляр ее является корректурным.

В этом уникальном экземпляре — 112 страниц. Ни титульного, ни концевого листов не сохранилось. Вместо них вклеено соответствующее число страниц чистой белой бумаги. Таким образом, мы не знаем называния этой ранней книги Чехова, равно как и конца последнего рассказа, так как он обрывается почти на полуслова:

— Нехорошее предзнаменование! — пробормотал...

Судя по тому, что в книге штампуются отпечатки, можно предположить, что упомянутый экземпляр ее является корректурным.

В этом уникальном экземпляре — 112 страниц. Ни титульного, ни концевого листов не сохранилось. Вместо них вклеено соответствующее число страниц чистой белой бумаги. Таким образом, мы не знаем называния этой ранней книги Чехова, равно как и конца последнего рассказа, так как он обрывается почти на полуслова:

— Нехорошее предзнаменование! — пробормотал...

Судя по тому, что в книге штампуются отпечатки, можно предположить, что упомянутый экземпляр ее является корректурным.

В этом уникальном экземпляре — 112 страниц. Ни титульного, ни концевого листов не сохранилось. Вместо них вклеено соответствующее число страниц чистой белой бумаги. Таким образом, мы не знаем называния этой ранней книги Чехова, равно как и конца последнего рассказа, так как он обрывается почти на полуслова:

— Нехорошее предзнаменование! — пробормотал...

Судя по тому, что в книге штампуются отпечатки, можно предположить, что упомянутый экземпляр ее является корректурным.

В этом уникальном экземпляре — 112 страниц. Ни титульного, ни концевого листов не сохранилось. Вместо них вклеено соответствующее число страниц чистой белой бумаги. Таким образом, мы не знаем называния этой ранней книги Чехова, равно как и конца последнего рассказа, так как он обрывается почти на полуслова:

— Нехорошее предзнаменование! — пробормотал...

Судя по тому, что в книге штампуются отпечатки, можно предположить, что упомянутый экземпляр ее является корректурным.

В этом уникальном экземпляре — 112 страниц. Ни титульного, ни концевого листов не сохранилось. Вместо них вклеено соответствующее число страниц чистой белой бумаги. Таким образом, мы не знаем называния этой ранней книги Чехова, равно как и конца последнего рассказа, так как он обрывается почти на полуслова:

— Нехорошее предзнаменование! — пробормотал...

Судя по тому, что в книге штампуются отпечатки, можно предположить, что упомянутый экземпляр ее является корректурным.

В этом уникальном экземпляре — 112 страниц. Ни титульного, ни концевого листов не сохранилось. Вместо них вклеено соответствующее число страниц чистой белой бумаги. Таким образом, мы не знаем называния этой ранней книги Чехова, равно как и конца последнего рассказа, так как он обрывается почти на полуслова:

— Нехорошее предзнаменование! — пробормотал...

Судя по тому, что в книге штампуются отпечатки, можно предположить, что упомянутый экземпляр ее является корректурным.

В этом уникальном экземпляре — 112 страниц. Ни титульного, ни концевого листов не сохранилось. Вместо них вклеено соответствующее число страниц чистой белой бумаги. Таким образом, мы не знаем называния этой ранней книги Чехова, равно как и конца последнего рассказа, так как он обрывается почти на полуслова:

— Нехорошее предзнаменование! — пробормотал...

Судя по тому, что в книге штампуются отпечатки, можно предположить, что упомянутый экземпляр ее является корректурным.

В этом уникальном экземпляре — 112 страниц. Ни титульного, ни концевого листов не сохранилось. Вместо них вклеено соответствующее число страниц чистой белой бумаги. Таким образом, мы не знаем называния этой ранней книги Чехова, равно как и конца последнего рассказа, так как он обрывается почти на полуслова:

— Нехорошее предзнаменование! — пробормотал...

Судя по тому, что в книге штампуются отпечатки, можно предположить, что упомянутый экземпляр ее является корректурным.

В этом уникальном экземпляре — 112 страниц. Ни титульного, ни концевого листов не сохранилось. Вместо них вклеено соответствующее число страниц чистой белой бумаги. Таким образом, мы не знаем называния этой ранней книги Чехова, равно как и конца последнего рассказа, так как он обрывается почти на полуслова:

— Нехорошее предзнаменование! — пробормотал...

Судя по тому, что в книге штампуются отпечатки, можно предположить, что упомянутый экземпляр ее является корректурным.

В этом уникальном экземпляре — 112 страниц. Ни титульного, ни концевого листов не сохранилось. Вместо них вклеено соответствующее число страниц чистой белой бумаги. Таким образом, мы не знаем называния этой ранней книги Чехова, равно как и конца последнего рассказа, так как он обрывается почти на полуслова:

— Нехорошее предзнаменование! — пробормотал...

Судя по тому, что в книге штампуются отпечатки, можно предположить, что упомянутый экземпляр ее является корректурным.

В этом уникальном экземпляре — 112 страниц. Ни титульного, ни концевого листов не сохранилось. Вместо них вклеено соответствующее число страниц чистой белой бумаги. Таким образом, мы не знаем называния этой ранней книги Чехова, равно как и конца последнего рассказа, так как он обрывается почти на полуслова:

— Нехорошее предзнаменование! — пробормотал...

Судя по тому, что в книге штампуются отпечатки, можно предположить, что упомянутый экземпляр ее является корректурным.

В этом уникальном экземпляре — 112 страниц. Ни титульного, ни концевого листов не сохранилось. Вместо них вклеено соответствующее число страниц чистой белой бумаги. Таким образом, мы не знаем называния этой ранней книги Чехова, равно как и конца последнего рассказа, так как он обрывается почти на полуслова:

— Нехорошее предзнаменование! — пробормотал...

Судя по тому, что в книге штампуются отпечатки, можно предположить, что упомянутый экземпляр ее является корректурным.

В этом уникальном экземпляре — 112 страниц. Ни титульного, ни концевого листов не сохранилось. Вместо них вклеено соответствующее число страниц чистой белой бумаги. Таким образом, мы не знаем называния этой ранней книги Чехова, равно как и конца последнего рассказа, так как он обрывается почти на полуслова:

— Нехорошее предзнаменование! — пробормотал...

Судя по тому, что в книге штампуются отпечатки, можно предположить, что упомянутый экземпляр ее является корректурным.

В этом уникальном экземпляре — 112 страниц. Ни титульного, ни концевого листов не сохранилось. Вместо них вклеено соответствующее число страниц чистой белой бумаги. Таким образом, мы не знаем называния этой ранней книги Чехова, равно как и конца последнего рассказа, так как он обрывается почти на полуслова:

— Нехорошее предзнаменование! — пробормотал...

Судя по тому, что в книге штампуются отпечатки, можно предположить, что упомянутый экземпляр ее является корректурным.

В этом уникальном экземпляре — 112 страниц. Ни титульного, ни концевого листов не сохранилось. Вместо них вклеено соответствующее число страниц чистой белой бумаги. Таким образом, мы не знаем называния этой ранней книги Чехова, равно как и конца последнего рассказа, так как он обрывается почти на полуслова:

— Нехорошее предзнаменование! — пробормотал...

Судя по тому, что в книге штампуются отпечатки, можно предположить, что упомянутый экземпляр ее является корректурным.

В этом уникальном экземпляре — 112 страниц. Ни титульного, ни концевого листов не сохранилось. Вместо них вклеено соответствующее число страниц чистой белой бумаги. Таким образом, мы не знаем называния этой ранней книги Чехова, равно как и конца последнего рассказа, так как он обрывается почти на полуслова:

— Нехорошее предзнаменование! — пробормотал...

Судя по тому, что в книге штампуются отпечатки, можно предположить, что упомянутый экземпляр ее является корректурным.

В этом уникальном экземпляре — 112 страниц. Ни титульного, ни концевого листов не сохранилось. Вместо них вклеено соответствующее число страниц чистой белой бумаги. Таким образом, мы не знаем называния этой ранней книги Чехова, равно как и конца последнего рассказа, так как он обрывается почти на полуслова: